

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ, ЭТНОГРАФИИ И
ФОЛЬКЛОРА

На правах рукописи

ЧЕРНЕВА

Наталья Григорьевна

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ ИСКУССТВА СЕВЕРНО-
РУССКОГО БЫЛИННОГО СКАЗИТЕЛЯ

№Ю.01.09 - фольклористика

Автореферат

диссертации на соискание ученой
степени кандидата филологических

НАУК

Минск

1977

Работа выполнена в восточнославянском секторе Ленинградского отделения Института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР.

Научный руководитель: доктор филологических наук Б.Н.Путлов (Ленинградское отделение Института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая).

официальные оппоненты:

доктор филологических наук Б.П.Кирдан (Институт мировой литературы им. А.М.Горького, г.Москва); кандидат филологических наук В.А.Захарова (Белорусский государственный университет им. В.И.Ленина, г.Минск).

Ведущее научное учреждение-рецензент -- Воронежский ордена Ленина государственный университет им. Ленинского комсомола (кафедра теории литературы и фольклора).

Защита состоится "17" июня 1977 г. на заседании Специализированного совета по присуждению ученой степени кандидата наук в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора Академии наук Белорусской ССР, 220072, г.Минск, Ленинский проспект 66.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке им. Я.Боласа АН БССР.

Автореферат разослан "17" мая 1977 г.

Ученый секретарь Совета
кандидат филологических наук

И.К.ТИЩЕНКО

Институт искусствоведения, этнографии и фольклора
АН БССР 1977

Диссертация посвящена проблемам типологии искусства былинного сказителя. В современной фольклористике проблема эпического певца является одной из наиболее актуальных, поскольку глубокое и всестороннее понимание эпического творчества как величайшего явления народного искусства возможно лишь на основе научного осознания роли создателей и хранителей эпоса, особенностей их творчества, вклада в традицию, а также законов овладения традицией и передачи её из поколения в поколение.

История фольклористики, начиная с "гомеровского вопроса", прекрасно иллюстрирует тот факт, что проблемы изучения эпического сказителя как своеобразного творца и хранителя эпической традиции не являются автономными и второстепенными в эпосоведении, а постоянно взаимодействуют и соотносятся с такими генеральными проблемами, как генезис эпоса, его историческая типология, поэтика, особенности его бытования и процесс изменения. Современное эпосоведение разрабатывает эти вопросы, привлекая богатые материалы живой эпической традиции (особенно бытующего в наши дни эпоса народов СССР), а также используя эпическое наследие и по-новому анализируя разнообразные данные, собранные исследователями прошлого.

Исследование былинного певца в единстве его социальных, бытовых, мировоззренческих и творческих характеристик составляло отличительную черту "русской школы" фольклористики. П.Н. Рыбников и А.Ф. Гильфердинг впервые выдвинули идеи всестороннего изучения сказителя и его связей с былинной традицией. Они не только заинтересовались механизмом передачи былинного знания из поколения в поколение, но и обратили особое внимание на различные манеры исполнения былин сказителями. Правда, различие это понималось в

основном как индивидуальное, а не типологическое. Программу исследований П.Н.Рыбникова и А.Ф.Гильфердинга продолжали собиратели былин А.В.Марков, А.Д.Григорьев, Н.Е.Ончуков.

Фигура былинного певца стояла в центре внимания советских фольклористов Б.М.Соколова, Д.М.Соколова, В.И.Чичерова, А.М.Астаховой. Наибольшие успехи в изучении былинного сказителя связаны с фундаментальными работами А.М.Астаховой и В.И.Чичерова. В.И.Чичеров исследовал в первую очередь местные, региональные типы былинной традиции ("школь"). А.М.Астахова впервые в фольклористике осуществила опыт классификации сказителей. В качестве определителей она выдвинула два уровня структурной иерархии текста — сюжетно-композиционный и "стилевой". Следуя избранной методике, А.М.Астахова выделила три типа сказителей: 1) сказители-передатчики, "перенявшие тексты совершенно или почти точно в таком же виде их передавшие"; 2) сказители, которые усвоили "общий остов" и в процессе исполнения выработали свой текст; 3) сказители-импровизаторы. Недостатки классификации А.М.Астаховой были обусловлены неразработанностью проблем, связанных с выявлением специфики фольклора, в частности — эпоса, и, соответственно, с установлением принципиальных различий в методике фольклорного и литературоведческого анализа.

В последние годы возродился интерес к эпическому сказителю и к тем вопросам, которые прямо или косвенно связаны с ним. Этому способствовали: во-первых, историко-типологические исследования фольклорных жанров и в особенности эпических, во-вторых, изучение специфики фольклора в свете теории информации, наконец, большие успехи в области теории фольклорного текста.

Работы В.Я.Проппа, В.М.Зирмунского, Е.М.Малетинского, Б.Н.Путилова положили начало историко-типологическому изучению эпоса. С введением понятия "эпическая система" стало возможным говорить об исследовании эпического сказителя на современных научных основах. Типология эпического сказителя включается в систему типологических признаков эпоса и в этом качестве имеет право на свое научное существование. Сравнительно-исторический подход обосновывает привлечение различных национальных традиций для целей реконструкции и для выявления некоторых общих закономерностей развития сказительского искусства. Чрезвычайно важны для понимания исторической типологии эпического творчества материалы по эпосу народов Сибири, Крайнего Севера, Средней Азии. Вопросы типологии былинного сказителя представляются актуальными и в свете поисков общеславянской эпической общности. Русский эпос, как и южнославянский, относится к "классическому" типу, поэтому вполне закономерно обратиться к творчеству югославских гусляров. В этом плане, а также в отношении методики исследования привлекает внимание монография А.Лорда "Певец сказаний" (A. Lord. "The Singer of Tales", 1960). Автор книги исследовал только один тип - гусляров-импровизаторов (3-й тип по А.М.Астаховой). А.Лорд проследил процесс передачи эпического знания и выделил основные его стадии - обучение и исполнение. Но наибольший научный резонанс имело открытие А.Лордом "формульной грамматики" и ее основных структурных единиц: "формул", "формульных выражений", "тем" и механизма создания песенных вариантов.

Вместе с тем до сих пор не выяснено, каким образом обучается певец, каковы составляющие этого процесса, какова роль эпической памяти и эпического

сознания, как формируется эпическое знание, словом, можно ли обнаружить здесь типологические закономерности. Этим вопросам в первую очередь и посвящена диссертация.

Предметом исследования является искусство севернорусского былинного сказителя XIX - XX вв. Поскольку в настоящее время живая былинная традиция на Русском Севере угасла, при изучении поставленных вопросов автору пришлось обратиться к записям былин, сделанным собирателями, и к их полевым наблюдениям.

Задача диссертанта заключалась в том, чтобы выявить среди имеющихся текстов материал, позволяющий осуществить соответствующую аналитическую работу. В этом плане особенную ценность представляли повторные записи от одного сказителя и записи текстов от "учителей" и "учеников".

Учитывая специфику состояния и характер материала, а также цели исследования, автор разработал специальную методику анализа былинных текстов. В основу методики положены выдвинутые советской фольклористикой принципы сравнительного изучения текстов, членения фольклорных текстов по структурным уровням и выделения типологических характеристик.

В своей работе диссертант руководствовался главными теоретическими положениями советской фольклористики, которая рассматривает фольклор как важный элемент народной культуры, как подлинно народное творчество, в котором органически соединяются коллективное и индивидуальное начало. Фольклор обусловлен историей, её динамикой и вместе с тем обладает своими художественными закономерностями.

Следует заметить, что до сих пор проблема былинного сказителя рассматривалась в ряду других проблем русского эпоса и специально систематичес-

кому изучению не подвергалась. Автор диссертации стремился заново исследовать, применяя современные принципы эпосоведения и выработанную им методику, основные аспекты, относящиеся к проблемам искусства былинного сказителя: 1) обучение эпическому знанию и искусству сказывания; 2) сохранение и развитие эпической традиции; 3) характер эпического сознания.

Исследование состоит из введения, двух глав, заключения и приложений. В приложениях дается краткая интерпретация того или иного былинного сюжета в современной фольклористике, а также запись сказительских вариантов при помощи мотивов. Здесь же изложены и принципы такого рода записи.

Во введении рассматриваются общие проблемы изучения былинного сказителя; проблемы обучения и исполнения; проблемы методики исследования обучения и исполнения.

Проблемы обучения и исполнения. Типология обучения эпического сказителя представляет собой частный случай типологической характеристики культуры с точки зрения обучения. Фольклорная система культуры включает в качестве подсистем фольклорные жанры, каждому из которых присущ свой язык, своя специфика организации текстов, свой тип их функционирования в обществе, своя специфика обучения и исполнения. Если исходить из разделения культур по типам обучения на "культуру грамматик" и "культуру текстов" (или "культуру бычая")¹, то обучение искусству эпического сказывания можно рассматривать как подтип обучения при помощи

¹ Ю.М. Лотман. Проблема "обучения культуре" как типологическая характеристика. - В его кн.: Материалы к курсу теории литературы, вып. I. Тарту, 1970, с. 36-39.

самих текстов. При обучении "культуре текстов" тексты, вводимые в сознание воспринимающего, сами выполняют функции метатекстов. Однако метауровень как особая система, а тем более как принцип организации обучения сознательно не выделяется фольклорным коллективом или его членом. Именно поэтому нет смысла толковать процесс обучения и исполнения, учитывая только показания певцов. Исходя из этого, диссертант полагает, что исследователь должен основываться в первую очередь на самих текстах, выделяя в них структурные уровни, диапазон их варьирования, и получая таким образом материал для наблюдений.

Принципиальным для исследователя является тот факт, что фольклорные тексты ориентированы на такой тип коммуникации, при котором "грамматика слушающего" и "грамматика говорящего" совпадают. Они пользуются одним кодом. Тем не менее это не исключает "помех". Так, для начинающего сказителя эпическая грамматика еще не полностью освоена, а у некоторых типов сказителей наблюдаются изменения в традиционной структуре эпического кода. Обучение и исполнение включаются в единый коммуникативный акт, что обуславливает общность методических проблем.

Проблема методики исследования обучения и исполнения. Методика исследования обучения и исполнения основана на современных представлениях об иерархии структурных уровней текста, о "текучести" фольклорного текста, в котором есть как относительно стабильные, так и изменчивые элементы. Они обнаруживаются на всех уровнях текста. Автор предлагает следующую типологическую шкалу: 1) сюжетно-композиционный уровень; 2) уровень сверхфразовых единств (СФЕ) и крупных семантических блоков; 3) уровень, основной

строки; 4) уровень словосочетаний ("формул");
5) уровень слов ("эпических лексем").

**С р ж е т н о - к о м п о з и ц и о н н ы й
у р о в е н ь .** Исследование вариантов сказителей потребовало большой тонкости и учета как постоянных, так и переменных величин сюжета. Запись сюжета при помощи мотивов облегчила эту задачу. В определении мотива и его типов диссертант следовал Б.Н.Путилову, который различает мотивы-ситуации, мотивы-"речи", обладающие информационной функцией, и мотивы-эпизоды - непосредственно событийные моменты². Эти мотивы относятся к сюжетобразующим. Несюжетобразующими, но семантически и структурно значимыми для повествования являются мотивы-описания (например, внешнее облика персонажа, состояния природы), мотивы-характеристики, этикет (нормы поведения персонажей, не соотносимые с главным действием), эмоциональные и интеллектуальные реакции персонажей, явные новообразования-мотивировки.

Выбор способа, каким записывался сюжет, важен для выяснения границ текстовых типов: вариантов, редакций, версий. Текстовый тип характеризует пределы импровизации, тип обучения и исполнения былин как целого. Принятая в науке классификация текстовых типов обусловлена тем соображением, что эпический текст - это в первую очередь смысловая последовательность. Границы текстовых типов уточнились с учетом градации сюжетобразующих мотивов. Немаловаж-

² Б.Н.Путилов. Мотив как сюжетобразующий элемент. - В кн.: Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В.Я.Проппа. М., 1975, с. 143-147.

ным являлось и соотношение их с сюжетом, образующими мотивами.

Вариант обозначает наибольшую степень близости текстов. Нижняя граница его определяется следующим образом: набор сюжетобразующих мотивов совпадает, хотя допустимо незначительное варьирование мотивов-ситуаций; набор несюжетобразующих мотивов может варьироваться; связи между сюжетобразующими мотивами сохраняются, связи несюжетобразующих мотивов друг с другом и с сюжетобразующими изменяются.

Редакция допускает варьирование набора не только мотивов-ситуаций, но в ограниченном объеме и мотивов-речей, при этом совпадают связи между мотивами-эпизодами, частично между ними и мотивами-речами и мотивами-ситуациями. Факультативные элементы варьируются как по набору, так и по связям.

Версия объединяет текст по наиболее существенным признакам, то есть для нее релевантными оказываются мотивы-эпизоды и их связи между собой. Версия допускает такое варьирование текста, при котором набор мотивов-эпизодов и их связи между собой обеспечивают функционирование текста в пределах данного сюжета. При этом, как отметил К.Бремон³, существенно ориентация на конец повествования, изменения в котором указывают на ту или иную трактовку сюжета и на принадлежность данного текста к определенному текстовому типу.

Основной операциональной единицей при исследовании низших структурных уровней является былин-

³ К.Бремон. Логика повествовательных возможностей (перевод статьи). - В сб.: Семантика и искусствоведение. М., 1972.

ный стих. С одной стороны, он входит в СЕ (сверхфразовые единства), с другой, — содержит внутристриховые компоненты.

Уровень былинного стиха. Былинный стих отмечен смысловой, синтаксической и метрической автономностью. В строении былинного стиха соблюдается фольклорный закон, запрещающий "enjambement". Былинный стих, как правило, равен предложению, и в конце его можно поставить точку.

Пресобладающим видом связи между предложениями является сочинение. Подчинение менее распространено и в былинах встречается в виде паратаксистических конструкций. В былинах встречаются случаи союзного сочинения и подчинения. При этом число союзов и союзных слов ограничено, и они обладают основными и факультативными значениями.

Канонический былинный стих содержит от 7 до 25 слогов с закономерно распределенными основными и второстепенными ударениями и обязательной дактилической клаузулой (см. работы по "стопной" теории русского народного стиха И.И.Срезневского, Р.Якобсона, К.Тарановского, В.В.Иванова, В.Н.Топорова, М.С.Гаспарова, Р.Джонса и др.). Былинный стих имеет внутреннее деление на сегменты или колонны, число которых зависит от количества главных ударений в стихе, совпадающих с количеством слов в нем. Девец таким образом стремится построить строку, чтобы она либо полностью удовлетворяла требованиям канона, либо приближалась к нему. Кроме того, девец должен заботиться о том, как соединить между собой строки посредством различных синтаксических фигур.

Уровень сверхфразовых единств (СЕ) и крупных семантических блоков. Аналогично предке-

жениям былинные стихи объединяются в СЕ. Грамматические и смысловые границы СЕ обычно совпадают. СЕ представляют собой вполне завершенные фрагменты текста, несущие определенную информацию. Иногда несколько СЕ объединяются в более крупные фрагменты.

Традиционная фольклористика интересовалась в первую очередь вопросами соотношения стабильных и динамичных единиц текста. Так, А.Ф.Гильфердинг разделял текст былин на "типические" места, которые сказитель заучивает наизусть, и места "переходные", которые он варьирует. Как указал на это Б.Н.Путылов, различие между "типическими" и "переходными" местами скорее количественного, нежели качественного порядка. "Типические" места легче замечаются, формульность их более определена и, может быть, более устойчива.⁴ С точки зрения типологии былинного сказителя традиционное выделение указанных фрагментов вызывает сильные возражения, потому что для разных типов певцов значимость различных структурных уровней текста неодинакова, и сказитель импровизационного плана будет варьировать не только элементы высших уровней (в том числе СЕ и блоки), но и былинный стих, его словесные компоненты, синтаксис, метрику. Как "типические", так и "переходные" места подчиняются общим правилам былинной поэтики.

По этим же причинам неоправданной представляется попытка привлечь "loci communes" в качестве средства паспортизации былин. П.Д.Ухов исходил из представления о стабильности "loci communes"

⁴ Б.Н.Путылов. Искусство былинного певца (Из текстологических наблюдений над былинами). - В сб.: Принципы текстологического изучения фольклора. М.-Л., 1966, с. 259.

выработанных сказителем⁵. Между тем, это противоречит живой практике исполнения. Наличие у сказителя, его учителя или ученика, шире - "школы" того или иного "общего места" отнюдь не исключает возможности возникновения точно такого же фрагмента в других вариантах и у других типов сказителей. Дело в том, что "словарь" былины (система элементов) ограничен, равно как и ограничены возможности комбинаций различных традиционных элементов, так что вполне вероятно совпадение фрагментов текста у разных сказителей.

У р о в е н ь ф о р м у л . А.Лорд дает основополагающее для "формульной грамматики" понятие "формулы" как "группы слов, которая регулярно вырабатывается при одних и тех же метрических условиях для выражения данного основного понятия"⁶. Формула - это словосочетание, нередко с предлогом, обладающее высокой степенью смысловой, синтаксической и метрической организации. В былине формула занимает по крайней мере один метрический колон, то есть содержит как минимум три слога. Формулы применяются как фонд готовых метрических единиц. Как и любое словосочетание, не сводимое к фразеологическому сращению, формула допускает инверсию своих компонентов и замену их на синонимичные. Формула как элемент текста, обладающего высокой степенью изоморфизма, имеет свою парадигму. Исходя из этого, А.Б.Лорд указал на существование "basic patterns".

У р о в е н ь э п и ч е с к и х л е к с е м . Не все из эпических лексем можно представить как эм-

⁵ П.Д.Ухов. Атрибуция русских былин. М., 1970.

⁶ A.B.Lord. The Singer of Tales. Cambridge - Massachusetts, 1960, p.4.

сокоорганизованные, удобные в метрическом отношении. Общим для эпических лексем является их принадлежность к "эпическому словарю". Само определение "эпические" (лексемы) противопоставляет их неэпическим, хотя зачастую первые включаются не только в эпический и общефольклорный лексический фонд, но и в сферу диалекта и литературного языка. Разграничить эпические и неэпические лексем не всегда легко. Эта проблема соотношения языка фольклора и диалекта остается дискуссионной. Вероятно, необходимо обратить внимание на функционирование эпических лексем в контексте, учитывая частоту их употребления в былинах.

В диссертации выявлены принципы варьирования некоторых уровней текста: сюжетно-композиционного и стихового.

Для сюжетно-композиционного уровня выделены следующие параметры: набор сюжетобразующих мотивов (M_C), набор несюжетобразующих мотивов (M_H), общая последовательность мотивов в данном фрагменте текста, текстовой тип. Набор мотивов может сохраняться (+) или варьироваться (-). В ряде случаев M_H и M_C остаются неизменными, а последовательность их меняется то за счет перестановок в группе M_C , то в группе M_H . Число элементов набора (мотивов) может сокращаться или увеличиваться. Причиной тому являются повторы, введение новых мотивов или их пропуск, замена синонимичных мотивов. Варьирование в пределах того или иного типа обучения или исполнения ведет в итоге к созданию доминирующих для данной группы сказителей текстовых типов (вариантов, редакций, версий). Определенные комбинации параметров дают тот или иной принцип варьирования. В самих текстах принципы варьирования взаимодействуют, но из них обязательно преобладает один-два принципа.

Эта типологическая "сетка" представлена в таблицах, данных в основном тексте диссертации.

Для стихового уровня определены такие основные параметры, как значимые лексем, их морфологическая и фонетическая характеристика, вспомогательные слова, общая последовательность лексем в строке (синтаксическая характеристика), метрическая характеристика. Принципы варьирования выделены в зависимости от стабильности или изменчивости тех или иных параметров.

Менее подробно, но также с учетом случаев варьирования рассмотрен уровень СЕ и крупных семантических блоков.

I глава. Типология обучения севернорусского былинного сказителя

В первой главе исследуется процесс передачи эпического знания от учителя ученику. Анализ этого процесса дал возможность выделить четыре типа сказителей.

Тип I представлен сказителями П.И.Рябининим-Андреевым (едустафьевско-рябининская "школа"), А. и Е.Суриковыми ("школа" Конона с Зяблых Нив), Ф.Т.Сивцевым-Поромским (Кенозеро).

Сказители типа I при обучении фиксируют все уровни текста учителя. Для них важно усвоение не только стабильных элементов текста (например, сюжетообразующих мотивов), но зачастую и мобильных. Импровизация для них ограничена пределами эпического запаса соответствующей былины учителя и редко выходит за эти пределы. Сказители типа I скорее "мыслят" конкретными образцами текстов учителя, чем их моделями. Безусловно, они обучаются искусству извлекать модели из текстов, но, видимо, недостаточно владеют им,

чтобы варьировать все уровни текста учителя в широком диапазоне. Традиция и память, по словам А.М.Астаховой, являются стабилизаторами текста. Между тем, это не может в полной мере объяснить столь высокую степень близости текстов учителей и учеников. Безусловно, велика роль памяти и традиции как "коллективного цензора" (термин П.Г.Богатырева). Однако здесь следует говорить не о памяти вообще, а об эпической памяти. Эпическая память сказителей типа I нацелена на конкретные единицы текста, она выделяет мало моделей, которые редко используются в сказительской практике. Именно поэтому тексты сказителей-учеников так близки текстам их учителей.

Формированию сказительского типа сопутствуют и другие обстоятельства: во-первых, это тип учителя, который во многом определял тип ученика; во-вторых, давняя и прочная семейная эпическая традиция.

При усвоении былин от других сказителей или школ степень варьирования текста учителя повышалась. Более того, когда условия для восприятия не были благоприятными, учащались пропуски, случаи свертывания отдельных фрагментов, не всегда выдерживался былинный стих. Эти примеры лишь раз показывают, что сказители типа I владели моделями в ограниченном объеме.

Тип II. К этому типу принадлежит Н.С.Богданова (школа Конона с Зяблых Иив).

Обучение сказителя типа II характеризуется вниманием не только к конкретным текстovým единицам, но и к моделям. При этом область моделирования ограничена в основном эпическим материалом. Увеличение объема текстов учителя происходит из-за повторов и подключения новых, не встречающихся в тексте учителя несюжетобразующих, реже - сюжетобразующих мотивов.

Варьирование, как правило, происходит в пределах варианта учителя, иногда текст приобретает характер редакции. Об использовании моделей свидетельствует и довольно свободное варьирование СЕ, а внутри их-строк.

Тип III. представлен сказителями В.В.Амосовым (Кизи), К.Д.Андрьяновым (Кизи), И.П.Поздеевым (Печора).

Сказители этого типа при обучении фиксируют в основном те сюжетобразующие мотивы, присутствие которых важно для повествования. Сильное сокращение объема текстов происходит за счет уменьшения набора и повторяемости сюжетобразующих и несюжетобразующих мотивов. Ограниченность объема эпического знания и недостаточное мастерство в его использовании зачастую приводило к тому, что сказители типа III пытались компенсировать это за счет неэпического знания. Однако и здесь сказывалось их неумение владеть не только моделями, но и конкретными традиционными единицами текста. В конечном счете сказители этого типа варьировали тексты в границах варианта, реже - редакции. Былины в их исполнении часто становились побывальщинами или простым, очень кратким пересказом.

А.М.Астахова отнесла всех сказителей, у которых нарушен былинный размер, к сказителям- "рассказчикам". Полемизируя с А.М.Астаховой, автор полагает, что нарушение правильности былинного размера не просто "стиль", отличный от "классического". Регулярное отклонение от традиционного былинного размера является типологической характеристикой сказителей типа III. Вероятно, на ранних стадиях обучения сказители пели былины, но со временем утратили напев и, соответственно, размер стиха. По мнению А.М.Астахо-

вой, здесь сказало влияние прозаических жанров, в частности, сказки. Это не исключено, тем более, если иметь в виду, что эпическое сознание у сказителей типа III теряет свою герметичность, открывая доступ не только другим жанрам с другим кодом, но и эмпирическим формам мышления. Изменения в структуре эпического сознания сказителей типа III затрагивают все уровни текста.

Тип IV рассмотрен на примере творчества М.С.Кривоной.

Этот тип характеризуется ярко выраженным "грамматизмом" усвоения текстов учителей. Ориентация на модели вырабатывалась постепенно. А.Лорд, посвятивший целую книгу сказителям-импровизаторам, предположил, что качественный скачок происходил на третьем этапе обучения, когда сказитель-ученик "освобождался" от влияния своего учителя и начинал самостоятельное выступление как исполнитель. В процессе обучения сказитель расширял репертуар. Постоянное прослушивание и исполнение песен приводило к тому, что он обретал способность извлекать из текстов различные модели. Сказители-импровизаторы настолько ощущали изоморфизм былинного текста, так мастерски усваивали принцип его "грамматической" организации, что при прослушивании их эпическая память фиксировала только смысловые и структурные доминанты. При воспроизведении текстов сказители типа IV привлекали запас эпического знания, не ограничиваясь тем его объемом, который предлагал ему учитель в соответствующем тексте.

Импровизация на высшем уровне достигала таких пределов, когда вариант перерастал в редакцию и даже версию. Сказители стремились к свободе в формах выражения мотивов. Возможность импровизации была

обусловлена свободным воспроизведением. Значительное увеличение объема текстов учеников рассматривается как результат этого умения. При этом разрастание текстов происходило не только за счет повторения или подключения единиц, известных по текстам учителей, но и за счет моделирования неэпического знания по эпическим моделям.

Импровизаторское творчество М.С.Крюковой справедливо соотносят с давней семейной традицией довольно свободного отношения к былинным текстам. М.С.Крюкова значительно развила эту тенденцию. Стабильность и интенсивность контактов учителей М.С.Крюковой и самой сказительницы сформировали тип, обладающий прочным и обширным запасом эпического знания.

К сказителям типа IV А.М.Астахова причисляли В.П.Шеголенка, Д.К.Дуркина, Ф.В.Поздякова. Однако эти замечания касались исполнительской манеры сказителей, а не типа обучения. К сожалению, исследователи не располагают достаточным количеством текстов, чтобы проверить предположения А.М.Астаховой.

II глава. Типология воспроизведения текста былинным сказителем

Исследование процесса исполнения (или воспроизведения) текстов составляет содержание II-й главы. Привлекая дополнительный материал, диссертант делает наблюдения над тремя типами певцов. Из-за недостатка материала III-й тип не рассматривается в этой главе.

Тип I. Наблюдения над исполнительской манерой сказителей типа I свидетельствуют о том, что принципы усвоения и воспроизведения текстов, заложенные при обучении, получили дальнейшее развитие. Более того, как показывает данное исследование, при испол-

нения устойчивость всех уровней структурной организации текста повышалась по сравнению с периодом обучения. При исследовании исполнения подтверждается характеристика, ранее данная эпической памяти и эпическому сознанию сказителей типа I. В их текстах нет явных нарушений законов эпического сознания.

Стремление следовать устойчивому тексту оберегало сказителей от возможных случаев неэпического варьирования. Единичные случаи проникновения в тексты эмпирического сознания относились в основном к лексике.

Тип II. А.М.Астахова выделила Н.С.Богданову в особый тип сказителей. По мнению исследовательницы, Н.С.Богданова "принадлежит к лучшим зрителям эпической традиции и к классическому типу исполнителя, овладевшего приемами высокого эпического мастерства и творчески развивающего усвоенное им наследие"⁷. Действительно, тенденция к стабилизации текстов при воспроизведении прослеживается на всех структурных уровнях. Н.С.Богданова, как и сказители типа I, варьировала тексты в пределах варианта. На стадии обучения отношение Н.С.Богдановой к былинам своих учителей было гораздо свободнее, и тексты иногда приобретали черты редакций. При исполнении сказительница изменяла в основном только несюжетобразующие мотивы. Варьируя их набор и связи, Н.С.Богданова изредка обращалась к эмпирическим представлениям об эпическом мире. Это выразилось в стремлении сказительницы мотивировать поступки персонажей. Нарушение законов эпического сознания проявлялось на лексическом, синтаксическом и метрическом уровнях.

⁷ Былины Севера. Записи, вступ.статья и комментарий А.М.Астаховой, т.П. М.-Л., 1951, с. 47.

Тем не менее, соблюдение правил эпической поэтики оставалось доминирующим при воспроизведении текстов. Увеличение их объема носило довольно регулярный характер и происходило за счет использования эпических моделей и неэпического знания.

Тип IV отмечен ярко выраженным "грамматизмом" исполнения и тенденцией к выделению доминантных элементов различных структурных уровней. Эпическая память носила в высшей степени избирательный и моделирующий характер. Сказители не только контаминировали сюжеты, но и создавали целые комплексы нетрадиционных мотивов, которые сосуществовали с вполне эпическими. Связи между мотивами конструировались как по эпическим, так и по неэпическим моделям. Мотивировки, психологизация эпического кодекса поведения являлись образцами подобного "искривления" связей.

Тексты сказителей-импровизаторов варьировались в пределах редакций и версий. Это отличало их от текстов Н.С.Богдановой, для которой импровизация обычно проходила в границах варианта.

Типологическая общность не исключает различий. Так, например, В.П.Шеголенок и А.В.Сарафанов тяготели к контаминации сюжетов, М.С.Крюкова в основном разъединяла былины, превращая отдельный фрагмент в самостоятельно разработанный текст. М.С.Крюкова отличалась и вполне осознанным желанием расширить былинку не только за счет вспомогательных, но и главных, сюжетообразующих мотивов. В отличие от М.С.Крюковой, А.В.Сарафанов, как правило, свертывал текст, не стремился к полному соблюдению и детальной разработке как несюжетообразующих, так и сюжетообразующих мотивов.

Наряду с принципом моделирования сказители типа IV обращались к тем принципам, которые способствова-

ли относительной стабилизации текстов. Эти принципы доминировали в творчестве А.В.Сарафанова и В.П.Шаголенка, в то время как в исполнительском искусстве М.С.Крыковой преобладал интерес к моделям. Эта закономерность присуща всем уровням структурной иерархии текста, в особенности низшим. Таким образом, у В.П.Шаголенка и А.В.Сарафанова моделирующее начало слабее, нежели у М.С.Крыковой. К числу типологических особенностей сказителей типа IV относится нарушение ими былинного стиха.

В результате изучения процесса обучения и исполнения былин севернорусским сказителем автор пришел к следующим выводам, изложенным в заключении.

1. Изучение процесса обучения и исполнения показало различное отношение сказителей к структурным уровням текста и принципам их варьирования. Комбинации этих принципов, вероятно, ограничены, и выбор их подчиняется закономерностям, общим для всех уровней. Согласно этому выделено четыре типа сказителей. Не исключено, что более широкое исследование выявит и другие типы. При обучении и воспроизведении былинных текстов преобладают две тенденции: к стабилизации (I тип) и к варьированию (IV тип). Остальные типы являются переходными и обладают некоторыми признаками, свойственными I и IV типу.

2. Связь между обучением и воспроизведением состоит в том, что опытный исполнитель развивает те принципы, которые доминировали в период обучения. Для сказителей типа I и II преобладает тенденция к стабилизации текста на всех уровнях. У сказителей типа IV ведущей остается тенденция к варьированию. На основе использования факультативных принципов,

а также при участии различных факторов, отсутствующих обучению и исполнению, могут создаваться тексты, которые по некоторым своим признакам не соответствуют данному типу.

3. Важным типологическим определителем является характер эпического сознания⁸. Эпическое сознание обладает определенным культурным кодом, отклонения и нарушения в структуре которого указывают на проникновение эмпирических форм мышления и модальных систем других жанров. Не все области бытия мира (семантические категории) обладают одинаковой устойчивостью к воздействию неэпического контекста.

Наиболее подвержен влияниям предметный мир. Более автономными и консервативными по отношению к неэпическому контексту являются правила поведения персонажей. Самыми подвижными оказываются те поступки героев, изменения в структуре которых существенно не влияют на семантику текста. Эти семантические категории в наибольшей степени перемикаются о реальными "прототипами" человеческого поведения и чаще всего подвержены их влиянию.

Гораздо стабильнее по структуре и по способам функционирования те действия героев, которые двигают сюжет. Эпический сюжет представляет собой цепь пространственно-временных перемещений героя. Пространственно-временные характеристики и связанные с ними сюжет и композиция эпического текста являются основополагающими и наиболее консервативными категориями.

⁸ Б.Н.Путялов. Эпическое сознание и эмпирическая достоверность. — Прилози за книжевност, језик, историју и фолклор, књ. XXXVI, св. 1-2. Београд, филолошки факултет, 1970, с. 4.

Нетрадиционное варьирование в системе эпических персонажей почти всегда закономерно: смешиваются или взаимозаменяются те персонажи (а также их атрибуты, поступки), которые обладают сходными функциями во всем корпусе былинных текстов.

Интенсивность процесса разрушения эпического сознания различна у всех групп сказителей. Однако, чем шире диапазон импровизации, тем больше отклонений от эпических канонов.

Эпическое сознание сказителя формируется еще на ранних стадиях его обучения. Немаловажную роль играет здесь учитель, отношение которого к эпическому миру во многом усваивает начинающий певец.

4. Автор диссертации вводит понятие эпической памяти как особой жанровой памяти, памяти на данный (эпический) тип фольклорных текстов. Эпическая память — это способность отбирать, хранить и использовать в сказительской практике те или иные элементы эпической системы и связи между ними. Избирательная и регулирующая роль эпической памяти, ее соотношение с механической памятью зависит от типа сказителя.

Эпическая память сказителей типа I нацелена на то, чтобы усвоить и воспроизвести конкретные единицы текста. Эпическая память сказителей типа IV носит моделирующий характер. Сказители типа II занимают промежуточное положение между I и IV типом.

5. К числу типологических определителей относятся и эпическое знание. В процессе обучения объем эпического знания увеличивается, меняется и актуальность тех или иных его компонентов для сказителя.

Типы сказителей обладают определенными подтипами эпического знания. Так, сказители типа I варьируют текст в пределах того запаса эпического знания, который характерен для соответствующего текста

учителя. Причина этого кроется в подтипе эпической памяти. Былинный певец типа I может обладать большим запасом эпического знания, но использовать его он будет в ограниченных пределах. Сказители типа III слабо владеют мастерством исполнения, не стремятся закрепить или расширить свой репертуар. Объем эпического знания у них невелик, и они нередко пополняют его за счет неэпического, но плохо смоделированного. Сказители типа II достаточно свободно владеют моделями, чтобы в своей импровизации выйти за пределы эпического знания одной быliny. Импровизаторы типа IV не только обладают обширным репертуаром, но и варьируют тексты, мобилизуя те возможности, которые они извлекают не только из эпического знания, но и также из фольклорного и бытового контекста.

6. Принимаются во внимание и такие факторы, как общее состояние былинной традиции, популярность той или иной быliny у сказителей данного района, у сказителя-учителя и ученика, частота прослушивания текстов учеником и частота исполнения. Забывание старин происходит не только по старости, но и потому, что старины больше не поются, даже "для себя". Таким образом "обрывается" линия наследования эпического знания, и этот прорыв в коммуникативной цепи сказывается как на самом сказителе, так и на судьбах традиции в целом. Особый случай представляет собой "забывание" по причинам типологического порядка. Чаще всего это случается в творчестве сказителей типа III.

Важное значение в деле воспитания сказителей имела семейная традиция. Именно в небольшом творческом коллективе создавались оптимальные условия для обучения всем видам традиционной культуры, в том числе и сказительскому искусству.

Большое влияние на певца оказывал тип учителя, так как именно его тексты и принципы их варьирования выступали в качестве первых образцов былинного искусства. Учитель словно "навязывал" ученику свой тип варьирования.

К числу наиболее важных выводов диссертации относится положение о том, что изоморфизм всех уровней былинного текста способствовал его усвоению и воспроизведению и определял выявление принципов варьирования.

7. В связи с проблемами типологии былинного сказителя диссертант касается вопроса о вкладе того или иного типа исполнителя в местную и общерусскую эпическую традицию. В своих выводах автор подтверждает предположение А.М.Астаховой и В.И.Чичерова, что наибольшая роль в творческом развитии традиции принадлежала сказителям типа Н.С.Богдановой (тип II) и М.С.Крюковой (тип IV). Именно их импровизации приводили к заметным сдвигам в системе эпического повествования, к созданию редакций и версий.

8. Сказители типа I и II наиболее показательны для севернорусской былинной традиции и определяют ее основной характер. Это обстоятельство чрезвычайно интересно в плане историко-типологического исследования различных национальных эпических систем.

Предложенная в диссертации методика и полученные результаты исследования могут найти применение в текстологической работе при подготовке изданий памятников фольклора, при анализе искусства носителей других жанров русского фольклора, а также при изучении аналогичных проблем эпического творчества других народов. Данное исследование может быть использовано и для совершенствования и разработки соответствующего раздела вузовского курса русского

фольклора.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. О сказительской импровизации в вариантах былинны "Вольга и Микула".- В сб.: Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1972-1973 (23-26 июля -1974 г.).Л., 1974, с. 166-167.

2. "Обучение" севернорусского былинного сказителя как типологическая проблема.- В сб.: Вопросы поэтики литературы и фольклора. Воронеж, 1976, с. 21-33.

3. К исследованию типологии искусства былинного сказителя.- "Советская этнография", 1976, № 5, с. 26-35.

Приняты к публикации следующие работы:

1. О некоторых нарушениях былинным сказителем законов изображения эпического пространства.- В сб.: Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск, 0,9 п.л.

2. Об отношении былинного сказителя к эпическому кодексу поведения.- В сб.: Фольклор Карелии. Петрозаводск, 0,9 п.л.

3. "Формульное знание" былинного сказителя.- В сб.: Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. 1974-1975. Ленинград, 0,04 п.л.

По теме диссертации были сделаны сообщения:

1. Эпический кодекс поведения в севернорусской былинной традиции.- Научная конференция, посвященная проблемам этнографии Северо-Запада СССР, Ленинград, 1974.

2. Современные проблемы типологии севернорусского былинного сказителя. - Конференция молодых фольклористов в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии, Ленинград, 1974.

3. "Эпическая память" и её подтипы (на материале севернорусских былинных сказителей). - Конференция молодых фольклористов в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии, Ленинград, 1976.